

УДК 786.2

**ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ТЕКСТА В СЕРБСКОМ
ОСМОГЛАСНИКЕ НИКОЛЫ РЕЗАНОВИЧА**

© 2014 г.

А.А. Евдокимова

Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки

evdokimova_51@mail.ru

Поступила в редакцию 27.02.2014

Основу сербского гласового пения на церковно-славянском языке составляет Осмогласник С. Мокраняца. Н. Резанович выполнил редакцию его напевов, приспособив их к английскому тексту. При этом произошли десакрализация языка, частичное изменение смысла, возникло иное соотношение текста и напева – так сложился новый вариант Осмогласника, предназначенный для англоязычных православных сербов.

Ключевые слова: Осмогласник, С. Мокраняц, Н. Резанович, церковно-славянский язык, английский язык.

Православная певческая книга – Осмогласник (Октоих) – включает более 500 песнопений, разделенных на восемь групп – гласов. Система осмогласия, возникшая в византийской гимнографии VIII века, пронизывает тексты каждого гласа особым комплексом идей, придавая им неповторимый духовный облик. Эти тексты в России и Сербии являются общими, различаются только напевы.

После Косовской битвы 1389 года Сербия почти 500 лет жила под гнетом Османской империи. Из-за турецкого геноцида сербы вынуждены были развивать свою православную культуру за границами государства. Первым зарубежным центром стал монастырь Хиландар, основанный в XV веке на горе Афон святым Саввой Сербским и его отцом святым Симеоном. Здесь сформировалась южнославянская версия греческого распева, которая звучит сейчас в ряде монастырей Сербии (Ковиль, Жича, св. Стефана). Другим центром стала Карловацкая митрополия, находящаяся на территории Австро-Венгрии. Здесь с XVIII века открываются учебные заведения, развивается сербская культура. Но недостаток церковных книг, католическое окружение не раз заставляли сербских иерархов обращаться за помощью к России, направлявшей множество книг в сербские храмы, в том числе и находившиеся на поработанной турками территории. Не случайно поэтому с 1713 года церковно-славянский язык *русской* редакции становится официальным языком сербской церкви.

И все же из-за недостатка нотной грамотности сербское церковное пение весь этот период бытовало в *устной* форме: певчие, монахи, священники хранили в памяти годовой круг

напевов. Для устной традиции обычно характерно существование множества различных версий напева. Но в сербском церковном пении сложилась только *одна* версия, включающая два близких варианта – карловацкий и белградский [1, с. 34–35].

Карловацкий распев сформировался в Карловацкой митрополии. Первым здесь предпринял попытку записи полного годового круга песнопений композитор Корнелий Станкович (1831–1865). Он гармонизовал для хора три сборника карловацкого распева, названные им «Православное церковное пение сербского народа» и изданные в Вене в 1862–1864 годах. На рубеже XIX–XX веков были предприняты и другие попытки записи отдельных песнопений карловацкого распева, некоторые из них были опубликованы [2]. Но этих книг, изданных в Австрии, не хватало даже на храмы Карловацкой митрополии, тем более они не доходили до Белграда.

На исконных сербских территориях, находящихся под турецкой властью, сложился близкий карловацкому, но несколько иной вариант пения, который называют *сербским народным церковным распевом*, или (пользуясь выражением композитора Косты Манойловича) *белградским распевом*. Впервые записал полный годовой круг этих напевов выдающийся сербский композитор Стеван Стоянович Мокраняц (1856–1914), посвятивший этой важнейшей цели более 20 лет жизни [3]. Его Осмогласник был впервые издан в Белграде в 1908 году. Сейчас он выдержал уже пять изданий, находится на клиресе почти каждого храма Сербии [4]. Певчие именно по этому сборнику изучают церковное гласовое пение: в 1960 году такой Указ был принят Архиерейским Собором [1, с. 38].

Однако в XX веке многие сербы эмигрировали в англоязычные страны, особенно в США, сохраняя верность православию. Если в конце XIX века в Калифорнии был лишь один сербский приход, то к концу XX века в США и Канаде существовали уже три епархии Сербской православной церкви. В ее приходах Осмогласник Мокраянца продолжал составлять основу гласового пения, но с течением времени возникла потребность в переводе его текстов на английский язык. В 1986 году вышло в свет первое англоязычное издание Осмогласника, а в 2003 году – второе [5]. В России этот сборник еще не известен. Однако замена культового церковно-славянского языка на весьма далекий от него английский язык связана с рядом серьезных проблем, некоторые из которых будут затронуты в данной статье.

Инициатором изданий англоязычного Осмогласника Мокраянца выступил сербский композитор Никола Резанович (1955), живущий в США. В Предисловии ко второму изданию он пишет: «В последние годы наблюдается растущая потребность в использовании английского языка в нашем православном богослужении. Эта необходимость чувствуется более значительно в некоторых сербских православных приходах нежели в других» [5, с. I]. Ясно понимая, что одновременная замена словесного и музыкального языка будет означать разрыв с освященной веками традицией, Резанович сохраняет музыкальную сторону Осмогласника, утверждая, что его целью является стремление «объединить английский текст с существующим сербским пением» [5, с. I].

Это пение Резанович знает очень хорошо: в качестве источников своего издания он называет Праздники (Praznichno Pojanje) епископа Стевана Ластавицы, рукописные записи епископа Саввы (из Шумади), а также варианты напевов, знакомые ему из собственного опыта участия в службах Сербской православной церкви. Но, несомненно, основой сборника был Осмогласник Мокраянца. О своем отношении к записанным им песнопениям Н. Резанович также говорит в Предисловии: «Несмотря на то что Осмогласник Мокраянца был основным источником информации для моей работы, эту книгу не следует рассматривать просто как его переработку <...> Наиболее часто используемые варианты песнопений, которые Осмогласник Мокраянца включает в себя как примечания, в значительной степени были включены в главную часть самих песнопений» [5, с. II].

В Осмогласнике Мокраянца действительно довольно много примечаний – приведенных в сноске вариантов пения отдельных мелодиче-

ских фраз. Причина их появления становится ясной из Предисловия [4, с. VII–VIII]. Сборник записывался Мокраянцем с голоса знатоков церковного пения – архимандритов А. Бранковича и К. Иовичича, членов Синода Р. Лукича и М. Поповича, опытного певчего И. Костица, профессора Д. Попович и др. Сравнивая их пение, Мокраянец выбирал наиболее *общезначимый* вариант, приводя в примечаниях реже звучащие мелодические обороты. Отделить основную часть напева от вариативной (то есть от дополнительных «узоров», которыми клирошане любили украшать свое пение) – справиться с этой сложной задачей композитору помогло его собственное знание сербских напевов, поскольку в юности он пел на клиросе. «Я знал каждый звук этих песнопений», – пишет Мокраянец [4, с. VII]. Резанович действительно заменяет ряд основных мелодических формул на дополнительные, приведенные Мокраянцем. Более того, некоторые певческие обороты совпадают с Осмогласником Стевана Ластавицы, хотя Резанович ссылается только на его Praznichno Pojanje. Встречаются отдельные мелодические формулы из Октоихов карловацкого пения (Бранко Цвейча, Ненада Барачки). Все эти изменения находятся в русле традиционной вариантности бытования церковно-певческой традиции, не внося кардинальной новизны: сербские напевы Осмогласника Стевана Мокраянца сохраняют у Резановича свою характерность и узнаваемость.

Более серьезные изменения связаны с английским текстом. «Переводы поступали в основном из опубликованных источников, имеющих в распоряжении Православной церкви в Америке и Сирийской Архиепископии», – пишет Н. Резанович [5, с. II].

Известно, что церковно-славянский язык является сакральным – он используется только на богослужениях, представляющих собой общение с Господом. Для православных людей ранее было очевидно, что идеи, касающиеся «мира горнего», должны выражаться особым, возвышенным, «горним» языком, а о мирской суете следует говорить языком обычным, «дольным». Английский, как и другие современные языки, сакральностью не обладает. Поэтому нельзя не заметить попытку переводчиков придать ему некоторый сакральный оттенок за счет использования в обращении к Господу староанглийских местоимений: «Thou» (в современном – «you» – «ты»), «Thee» («you» – «тебя, тебе»), «Thy» («your» – «твой»). Но перевод обращения «Господи» словом «Lord», включенным в массу бытовых контекстов, делает такую попытку тщетной. «Господи, воззвахъ къ Тебе, услыши мя, вонми гласу моления моего, вегда воззвати

Го - спо - ди воз - звахъ къте бе, _____ оу - слы - ши мя, _____

2

Lord _____ I _____ call _____ up - on _____ Thee, hear _____ me!

Пример 1

оу - по - ва ду - ша мо - я на Го - спо - да.

2

My soul _____ has _____ trust - ed in the Lord _____

Пример 2

ми к Тебе» – поется в первой стихире Осмогласника Мокраяца. «Lord, I call upon Thee, hear me! Receive the voice of my prayer when I call upon Thee!» («Господи, я взываю к Тебе, услышь меня! Прими голос моего моления, когда я взываю к Тебе!») – гласит английский перевод. Личное местоимение «я» («I»), не характерное для православных молитвословий, в Октоихе Мокраяца не встречается ни разу. Здесь же оно звучит дважды в одной строке, приближая возвышенное обращение великого псалмопевца Давида к бытовым протестантским виршам. Поэтому даже при минимальных изменениях напева, записанного Мокраяцем, смысл в Осмогласнике Резановича оказывается иным.

Пример 1.

Нельзя не заметить, что местоимение «I» не просто звучит сразу же после «Lord» (что невозможно в церковно-славянском песнопении), но и повторяет *ту же* мелодическую фразу. Подобное музыкальное «приравнивание» несоизмеримых явлений в Осмогласнике Мокраяца не только не встречается, но и принципиально невозможно.

Характерной чертой английского языка является твёрдый порядок слов в предложении: подлежащее занимает первое место, далее следуют сказуемое, дополнение, обстоятельство. Возможно, именно эта особенность грамматики наложила свой отпечаток на характер молитв: на английском языке они приобретают ясно вы-

раженный личностный характер, присущий протестантским текстам. Особенно ощутимо это в славениях. Так, произносимое от лица всей Церкви: «Славлю Отца и Сына силу, и Святого Духа пою власть», превращается в личное: «I glorify the power of the Father and the Son, I praise the authority of the Holy Spirit!» («Я прославляю силу Отца и Сына, Я восхваляю власть Святого Духа!»). В этом переводе исчезает ощущение соборности, причастности к единому голосу Церкви, всегда присутствующее в церковно-славянских песнопениях и бережно сохраненное в Осмогласнике Мокраяца.

Строгий порядок английского предложения влияет и на соотношение слова с напевом: в Осмогласнике Резановича распеваются *другие* слова, вследствие чего происходит смещение смысловых акцентов.

Пример 2.

В приводимой строке Мокраяца самым значимым оказывается слово «Господа», а у Резановича – «soul» («душа»). Именно этим словам в напевах соответствует наибольшее количество звуков – такая традиция выделения ключевых понятий сложилась в христианских песнопениях еще в эпоху Средневековья и сохраняется до наших дней. Встречаются в сборнике Резановича расхождения с Осмогласником Мокраяца и более серьезные. Одним из них является запев третьей стихир.

Bring my soul out of pris - - - on,
 that I may give thanks to Thy Name.
 Из - ве - ди изъ тем - ни - цы ду - шу мо - ю,
 и - спю - ве - да - ти - ся и - ме - ни тво - е - му.

Пример 3

Знаменный распев
 Рожек светлый
 Из-ве-ди из тем-ни-цы ду-шу мо-ю, ис-по-ве-да-ти-ся и-ме-ни Тво-е-му
 Болгарский распев
 Огибка
 Из-ве-ди из тем-ни-цы ду-шу мо-ю, ис-по-ве-да-ти-ся и-ме-ни Тво-е-му

Пример 4

Пример 3.

В английском тексте самый продолжительный распев находится в первой строке, в результате чего главным словом оказывается «prison» – «тюрьма». В Осмогласнике Мокраяца в первой строке выделено слово «душу», во второй – «имени Твоему». Несоизмеримо больший распев последних слов делает именно их «ключевыми». Это совпадает с пониманием смысла данной строки в русском и болгарском Октоихах [6, с. 14–15].

Пример 4.

Русский знаменный и болгарский распевы выделяют заключительные слова не просто распевом слогов, но и появлением типовых мелодических формул – знаменных *попевок* («Рожека светлого» – в русском и «Огибки» – в болгарском распеве [6, с. 15]). Резанович сохранил окончание строки – попевку «Мечик» (на словах «thanks to Thy Name»), звучащую у Мокраяца на слове «Твоему». Но в данном контексте тем более странным оказывается выделение слова «prison» («тюрьма») в качестве «ключевого», столь противоречащее не только Октоиху Мокраяца, но и двум другим православным церковно-певческим традициям (русской и болгарской).

В приведенных нотных примерах нельзя не заметить *сокращения* мелодий строк в Осмогласнике Резановича, вызванное тем, что английские слова значительно короче церковнославянских. Подобное явление часто возникает не только при переводе, но и при пении на одни и те же мелодические строки нового словесного текста. Резанович с музыкальным материалом обращается бережно: он сокращает только начальные или средние разделы строк, сохраняя их окончания, что всегда позволяет *узнать* строку даже при значительном изменении ее протяженности. В этом Резанович строго следует традиции, давно утвердившейся в Сербии и других православных странах. Но и здесь возникают расхождения с напевами, записанными Мокраяцем.

Пример 5.

В данной строке стихирь Резановичем оказались удалены высокие звуки «тресветлого согласия» (находившиеся на словах: «внемлюще гласу»). В результате английская строка потеряла экспрессию, внутреннее «свечение», ее напев стал более ровным и спокойным. Подобные изменения, не противоречащие смыслу текста, все-таки несколько снижают «градус» пев-

2

Пример 5

ческий выразительности, столь высокий в Осмогласнике Мокрањца.

В Предисловии к своему сборнику Н. Резанович пишет: «Сербское пение – это живая традиция. Оно было создано, адаптируясь и подпитываясь словом или текстом, и, следовательно, перевод может быть лишь его усилением – не его потерей! Мы подходим к пению не как к чему-то застывшему и неизменному, а как к гибкому и пластичному, сочетая его с каждым «новым» текстом без разрушения его конструкции или нарушения его мотивных элементов» [5, с. I]. Действительно, Резанович не нарушил строчную конструкцию песнопений, максимально сохранил напевы строк. Однако английский язык внес ряд существенных изменений в сербские песнопения, записанные Мокрањцем на церковно-славянском языке.

Несомненно, Резановичем двигало побуждение сделать гениальные тексты молитвословий понятными людям, не знающим этого сакрального языка. Подобной цели – доступности – переводы всегда следовали и ранее. Но в данном случае возникло серьезное отличие. Текст Октоиха святого Иоанна Дамаскина переводили святые Кирилл и Мефодий. Насколько причастны к опыту святости современные переводчики? Люди они, несомненно, очень образованные и просвещенные, но посвященные ли? Или, говоря светским языком, насколько сопоставим духовный опыт и масштаб личности авторов церковных текстов и их переводчиков? Вероятно, именно это различие привело к десакрализации языка и явно ошутимому мирскому от-

тенку английского перевода песнопений. Поэтому при достаточно высокой степени сохранности и узнаваемости православных напевов, записанных Мокрањцем, Осмогласник Н. Резановича представляет собой *новый вариант* сербского пения, ориентированный на людей, для которых английский язык, видимо, уже стал родным. Этот вариант сербского пения, в отличие от белградского и карловацкого, можно условно назвать «зарубежным», поскольку приходы Сербии сохраняют верность языку, завещанному всем славянам святыми братьями Кириллом и Мефодием, и освященному тысячелетней традицией церковного пения.

Список литературы

1. Миодраг П. Огледи о српској црквеној музици. Београд. Сремски Карловци. 2012. 158 с.
2. Петровић Д. Српско народно црквено појање и његови записивачи // Српска музика кроз векове / Галерија САНУ. Београд, 1973. Књ. 22. С. 251–274.
3. Евдокимова А. Стеван Мокрањца: духовни подвиг композитора // Сербские научные исследования 2012: Сб. М., 2013. С. 393–401.
4. Осмогласник. Српско народно црквено појање. У ноте ставио Ст.Ст. Мокрањца. Београд, 2010. 313 с.
5. The Serbian Osmoglasnik (Book of eight tones) with English text adaptation by Nikola Resanovic. 1983 rev 2003. 333 с. URL: <http://www.nikolaresanovic.com/Serbian-Osmoglasnik.index.html>
6. Yevdokimova A. Руска знамена традиција и њена веза са српским и бугарским осмогласјем // «Мокрањца» број 14, Београд: Издавач Дом културе «Стеван Мокрањца», децембар 2012. С. 13–18.

**SOME PECULIARITIES OF THE ENGLISH TEXT IN THE SERBIAN OSMOGLASNIK
BY NIKOLA RESANOVIC**

A.A. Yevdokimova

The basis of the Serbian church singing in the Church Slavonic language is Osmoglasnik by S. Mokranjac. N. Resanovic has edited these tunes and adapted them to the English text. As a result, the language has turned profane, a partial change of meaning has occurred, the correlation of the text and tunes has changed. Osmoglasnik by N. Resanovic has become a new edition for English-speaking Orthodox Serbs.

Keywords: Osmoglasnik, S. Mokranjac, N. Resanovic, Church Slavonic language, English language.

References

1. Miodrag P. Ogledi o srpskoj crkvenoj muzici. Beograd. Sremski Karlovci. 2012. 158 s.

2. Petrović D. Srpsko narodno crkveno rojanje i njegovi zapisivachi // Srpska muzika kroz vekove / Galerija SANU. Beograd, 1973. Knj. 22. S. 251–274.

3. Evdokimova A. Stevan Mokranjac: duhovnyj podvig kompozitora // Serbskie nauchnye issledovaniya 2012: Sb. M., 2013. S. 393–401.

4. Osmoglasnik. Srpsko narodno crkveno rojanje. U note stavio St.St. Mokraњac. Beograd, 2010. 313 s.

5. The Serbian Osmoglasnik (Book of eight tones) with English text adaptation by Nikola Resanovic. 1983 rev 2003. 333 s. URL: <http://www.nikolaresanovic.com/Serbian-Osmoglasnik.index.html>

6. Yevdokimova A. Ruska znamenita tradicija i њena veza sa srpskim i bugarskim osmoglasjem // «Mokraњac» broj 14, Beograd: Izdavach Dom kulture «Stevan Mokraњac», decembar 2012. S. 13–18.